

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

В поэзии Серебряного века можно выделить пласт библеизмов – имён собственных: топонимов, антропонимов, теонимов.

Теонимы представлены двумя разновидностями:

1) названиями церковно-религиозных праздников: Пасха, Рождество, Вербное Воскресение, Крещение и др.:

*В жёлтый сумрак мёртвого апреля,
Прощаешься с звёздной пустыней,
Уплывала **Вербная неделя**...*

(И. Анненский. Вербная неделя);

Пахнет яблоками и мёдом

*По церквам твой краткий **Спас***

(С. Есенин. Гой ты, Русь моя родная);

*Выходи ты под **Троицу***

Без Христа – без креста

(М. Цветаева. Голос – сладкий для слуха);

2) названиями книг Священного Писания, молитв:

Наивность милая

Нетронутой души!

Недаром прадед

За овса три меры

Тебя к дьячку водил

В заброшенной глуши

*Учить «**Достоинно есть**»*

*И с «**Отче**» «**Символ веры**»*

(С. Есенин. Письмо деду);

И вот сестра разводит

*Раскрыв, как **Библию**, тузатый «**Капитал**»...*

(С. Есенин. Возвращение на Родину).

В некоторых случаях отсутствуют сами названия книг Священного писания, но ощущается ассоциативная связь с ними, т. е. можно говорить об аллюзиях. Ср. у А. Блока: «*Есть проклятье заветов священных...*» (А. Блок. К музе). В данном примере контаминируются компоненты двух словосочетаний: «Новый **Завет**» и

«**Священные** Писания». Под «проклятием заветов священных» подразумевается «Откровение Иоанна Божьего», в котором описывается «страшный суд» как проклятие, наложенное на людей.

Аналогично (как аллюзия) используется строка из стихотворения «Ну что же? Устало заломлены слабые руки»: *Открой мои книги: там сказано всё, что свершится*. Речь идёт об Апокалипсисе, именно в нём предсказано будущее.

Прямой цитатой из Библии можно считать перифраз Молитвы Господней «Отче наш» в стихотворении Н. Гумилёва «Память»:

Я – урюмый и упрямый зодчий

Храма, встающего во мгле,

*Я возревновал о славе **Отчей**,*

Как на небесах, и на земле.

Метафорично используется А. Блоком оборот «**святые письма**» (Священные Писания) в стихотворении «Безрадостные всходят письма», которое заканчивается такими строками:

*Я вас открыл, **святые письма**,*

Я вас храню с улыбкой на распутьях.

Как отсылки к фрагментам Библии используются **топонимы** – названия местностей, горных вершин, рек и др.: Галилея, Вифлеем и др.

*Вижу свет на **горе Фаворе***

И безумно тоскую я,

Что взлюбил я и сушу и море,

Весь гремячий сон бытия

(Н. Гумилёв. Колчан)

*Ах, не крещён в глубоких водах **Леты***

Наш звёздный дух забвением ночей!

(М. Волошин)

О том, что было, не жалея,

Твою я понял высоту:

*Да. Ты родная – Галилея
Мне – невоскресшему Христу
(А. Блок. Ты отошла, и я в пустыне)
(Галилея – родина Иисуса Христа – ассоциируется с возлюбленной поэта)*

*А вблизи – всё пусто и немо,
В смертном сне – врачи и друзья.
И горит звезда Вифлеема*

*Так светло, как любовь моя
(А. Блок. Я не предал белое знамя)*

Оборот «звезда Вифлеема» в последнем примере соотносится с текстом Библии, но контекстуальное его значение значительно расширяется: это не только путеводная звезда лирического героя, но и единственная реальность в его раздвоенном мире, которая отождествляется с любовью. Это выражение можно считать реминисценцией, значение «путеводности» соотносено с библейским городом Вифлеемом, над которым пастухи увидели звезду, возвестившую о рождении Иисуса.

Иисус Христос – центр христианской религии, универсальный образ, синтезирующий в себе человеческое и божественное начала, наиболее употребителен среди библеизмов – **антропонимов**. Это имя – символ, образ мифологема, входящий в синонимический ряд, выстроенный из различных сюжетных фрагментов Библии: Иисус Христос – младенец – Сын Человеческий – Бог – мессия – Господь и др:

*Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной,
И, Господь, вот Ты мне явился
Невозможной такой мечтой
(Н. Гумилёв. Колчан)
И пусть другой Тебя ласкает,
Пусть множат дикую молву:
Сын Человеческий не знает,
Где преклонить Ему главу
(А. Блок. Ты отошла, и я в пустыне).*

Традиционные замены имени Христа: младенец, ребёнок, Сын Человеческий – подчёркивают в нём человеческое начало.

Но в стихотворных текстах применяются и другие сочетания слов с именем Иисуса. Так, в стихотворных текстах А. Блока необычен подбор эпитетов: «в цепях и розах», «в белом венчике из роз». Можно предположить, что роза – цветок с колючими шипами символизирует терновый венец, в котором к шипам добавилась прекрасная оболочка. Радость и страдание в понимании поэта неразрывны.

Именем-символом является и антропоним **Мария**. Имя богородицы также отражает идею очеловечивания божества, но в женском облике.

*Есть Моисей среди дубов,
Марии между пальм...
(Н. Гумилёв. Костёр)*

На очеловечивание богородицы в стихотворении А. Блока «О жизни, догоревшей в хоре...» указывает необычное употребление имени, фамильярное Мэри:

*О дальней Мэри, светлой Мэри,
В чьих взорах – свет, в чьих косах – мгла.*

В поэзии А. Блока часто встречается синонимическая замена имени **Мария** – **Мадонна**. Но этот образ хоть и светел, но не свят:

*Ты многим кажешься святой,
Но ты, Мария, вероломна...
(А. Блок. Глаза, опущенные скромно)
И томленьем дух влюблённый
Исполняют образа,
Где коварные мадонны
Щурят длинные глаза...
(А. Блок. Сиена)*

Само имя Мария появляется в поэзии Серебряного века нечасто. Гораздо больше случаев синонимических замен – Жена, Невеста, Дева, царица, царевна, Владычица Вселенной, Звезда, Заря. Последние имена подчёркивают неземную сущность этого образа. А синоним Дева связан с библейским сюжетом непорочного зачатия и свидетельствует о чистоте и незапятнанности Матери Божией:

*Был вечер поздний и багровый,
Звезда – предвестница взошла.
Над бездной плакал голос новый –
Младенца Дева родила.
(А. Блок. Был вечер поздний и багровый)*

Встречаются и другие антропонимы: *Зачем во дни святые ворвался день один, Как волосы густые Безумных Магдалин* (А. Ахматова); *Горят твои ладони, В ушах пасхальный звон, Ты, как святой Антоний, Виденьем искушён* (А. Ахматова); *Уплывала в дымах благовонных, В замирании звонов похоронных, От икон с глубокими глазами И от Лазарей, забытых в чёрной яме* (И. Анненский); *Есть Моисей среди дубов, Марии между пальм...* (Н. Гумилёв); *Умри, Флоренция, Иуда, Исчезни в сумрак вековой!* (А. Блок).

Иногда библеизмы – имена собственные выполняют сюжетно-композиционную функцию. Так, к трём стихотворениям, входящим в цикл «Библейские стихи», А. Ахматова предпосылает эпиграфы, в структуре которых содержатся антропонимы. К стихотворению «Рахиль» из «Книги Бытия»: *и служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил её*; к стихотворению «Лотова жена»: *Жена же Лотова оглянулась позади его и стала соляным столбом* (Книга Бытия); к стихотворению «Мелхола» – из «Первой книги Царств»: *Но Давида полюбила ... дочь Саула, Мелхола. Саул думал: одам её за него, и она будет ему сетью*.

Во всех случаях эпиграфы – библеизмы предвещают текст, разъясняя фабулу стихотворений.